

С ЧЕГО НАЧАТЬ? Вот поистине гамлетовский вопрос. Начну с цитаты: «Ей хотелось известно что, известно с кем...». Это — Валерия Нарбикова, современная модная писательница. Таким зачином она открывает свою повесть «Равновесие света дневных и ночных звезд». Ну а далее исключительно про сегодняшнюю любовь, хотя, конечно, это не любовь, а что-то вроде любовной тусовки на фоне лубового подвезда или жалкой койки. Иван Алексеевич бы вздрогнул...

Он писал о любви так:
«...Я стал на колени, обнял ее ноги, целуя их сквозь юбку и плача. Она подняла мне голову — и я опять узнал, почувствовал ее знакомые, несказанные сладостные губы и смертельное блаженное замирание наших сердец».

Возможно, кто-нибудь возмутится: а что Бунин? Одно дело — книги, другое — жизнь... А действительно, как складывались отношения с женщинами у самого Бунина?

Немного об истоках. Признанный классик русской литературы и ее первый Нобелевский лауреат (1933), прозаик, поэт, переводчик, почетный академик по разряду изящной словесности, Иван Алексеевич Бунин родился 10/23 октября 1870 года в Воронеже. В 1874-м семья переехала из Воронежа в наследственное поместье на хуторе Бутырки (Елецкий уезд Орловской губернии). «Тут, в глубочайшей полевой тишине... прошло мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной», — отмечал Бунин.

Даже вскочу... Голова горит, мысли путаются, руки холодные — просто смерти...».

Он кинулся на поиски беглянки к ее отцу, но тот басцеромонно его выпроводил. Родные боялись за жизнь Бунина. Отчаяние дошло до высшего предела, когда Иван Алексеевич узнал, что Варвара вскоре вышла замуж за его приятеля Бибикова (Бибиков и Бунин — смешно). Не поэтический ли отзвук этих событий мы находим в известном стихотворении Бунина «Одиночество», написанном в 1903 году?

**Мне крикнуть хотелось вслед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой...**

III.

Любовная рана мучительно заживала, но жизнь брала свое. Через четыре года Бунин женился на 19-летней Анне Цакни (1879—1963). Когда уже в 1932 году Галина Кузнецова расспрашивала его о Цакни, он рассказывал, что «она была еще совсем девочка, веселой кончившая гимназию, а осенью вышедшая за него замуж. Он говорит, что не знает, как это вышло, что он женился. Он был знаком несколько дней и неожиданно сделал предложение, которое и было принято. Ему было 27 лет».

Можно себе представить, какую по-настоящему юную тоску испытывал писатель. **Вчера ты была у меня.
Но тебе уж тоскливо со мной...**

Он истово влюблялся. В своем творчестве он творил, как Бог женщину из ребра Адама, он мог осыпать ее бриллиантами слов, но, увы, в реальной жизни не мог одарить счастливой судьбой. И дело тут не в одних материальных возможностях (которые были ограничены), а в самом характере Бунина. Он всегда жил «внутренне одиноко, обособленно», как бы вне людей. И поэтому не мог и не умел отдавать себя без остатка другому. Не был способен слиться с любимой женщиной. Не обладал истинным даром любви.

И все же любовь, как родник, омывала его душу. 17 сентября 1933 года (через 33 года после разрыва с Цакни) Бунин запишет в дневнике: «Видел во сне Аню с таинственностью готовящейся к близости. Все вспоминаю, как бывал у нее в Одессе — и такая жалость, что... А теперь навеки непоправимо. И она уже старая женщина, и я уже не тот».

IV.

Третья и последняя жена Бунина — Вера Николаевна Муромцева (1881—1961). Она стала его добрым гением, ангелом-хранителем и верным другом. Прекрасная дворянско-про-

серьезный и мучительный роман с ныне покойной талантливой писательницей Галиной Николаевной Кузнецовой. «Казалось, что Вера Николаевна в конце концов примирилась, — считала, что писатель Бунин — человек особенный, что его эмоциональные потребности выходят за пределы нормальной семейной жизни, и в овал бесконечной любви и преданности к «Яну» она пошла и на эту, самую большую свою жертву. В конце концов Вера Николаевна и Галия даже подружились».

V.

Итак, последняя страсть Бунина — Галина Кузнецова (1900—1976). Они познакомились летом 1926 года (Бунину 55 лет, ей 26, почти 30 лет разницы) на пляже. Их познакомил пушкинист Модест Гофман.

Ирина Одовецова вспоминала: «Петров очень любил Галину и был примерным мужем, всячески стараясь ей угодить и доставить удовольствие. Но она совершенно перестала считаться с ним, каждый вечер исчезала из дома и возвращалась все позже и позже. Однажды она вернулась в три часа ночи, и тут между ними произошло решительное объяснение. Петров потребовал, чтобы Галина выбрала его или Бунина. Галина, не задумываясь, крикнула: — Конечно, Иван Алексеевич!»

На следующее утро Петров, пока Галина еще спала, сложил свои чемоданы и уехал из отеля, не оставив адрес... Петров носился с мыслью об убийстве Бунина, но пришел в себя и на время покинул Париж».

Встречи Галины с Буниным продолжались. Муромцева была в отчаянии: «Ян сошел с ума на старости лет. Я не знаю, что делать?». В это трудно поверить, но Бунин убедил жену в том, что между ним и Галиной ничего нет, кроме отношений учителя и ученика, что их связывают только литературные интересы. Вера Николаевна поверила (или заставила себя в это поверить). В результате Галина Кузнецова была приглашена поселиться у Бунина и стать «членом их семьи». Заметим, что у Буниных на их попечении жил молодой литератор Н. Роцин, а позднее и А. Зуров. «Замечательные мои нахлебники. Бесплатно содержат троих, Зуров платит в сутки 10 фр», — записывал в дневнике Бунин.

«Общественность» этого не могла не заметить, и русская колония в Париже перемывала косточки Ивану Алексеевичу.

Так что же было на самом деле — любовный роман или литературная учеба? Отношения между учителем и учеником несомненно были. Кузнецова в итоге нашла свою писательскую стезю. Первая ее книга «Утро» вышла в 1930 году, затем последовали другие. А в 1967 году увидел свет «Грасский дневник» — записи о пребывании в доме Буниных. Все это так, но учитель был мужчиной, а ученица — женщиной.

Как протекал этот роман, мы в точности не знаем. Дневниковые записи Бунина о годы отношений между ним и Кузнецовой очень скупы. Но вот маленькая запись 10 марта 1932 года: «Темный вечер, ходили с Галиной по городу, говорили об ужасах жизни. И вдруг — подвал пекарни, там топится печь, пекут хлебы — и такая сладость жизни».

«Сладость жизни» — вот ключевые слова. Не будем домысливать и живописать этот последний, закатынный роман Бунина, как это сделал Валентин Лавров в повести «Холодная осень». Иван Бунин в эмиграции, и описывать с бульварным духом все эти — «засывно взглянула» и «взял да махнул с ней на Канны». Нет, так поступать не следует. Будем целомудренны к памяти Ивана Алексеевича. Скажем так: просто стареющий Бунин ощутил жгучую потребность вернуться в молодые годы, вновь ощутить всю «сладость жизни». И кто бросит в него камень?..

Конечно, все развивалось непросто. Страдала Вера Николаевна. Она искала утешение в вере, в Боге. Да и Бунину было мучительно трудно: взаимность ускользала от него. Были отъезды, разлуки, снова встречи... Кузнецова покинула Бунина в зените его славы, после присуждения ему Нобелевской премии. «Бунин, — писала Одовецова, — обожавший Галину, чуть не сошел с ума от горя и возмущения. В продолжение двух лет он ежедневно посылал ей письма...».

Однако Галина снова возвращается и снова живет на вилле «Жанетта» в Грассе у Буниных. Опять мучительный треугольник. Но постепенно давление в нем падает. Меняется отношение Галины к Бунину: по мере роста восхищения к Бунину как писателю затухает чувство к нему как к мужчине. Бедный Иван Алексеевич: ему довелось испытать очередную крах в любви!

VI.

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ. Возг. колуб. — 1913. — 10 лнв. — с. 4. Темные аллеи Ивана Бунина

Здесь вспыхнула и первая влюбленность 15-летнего юноши в гувернантку соседа-помещика Эмилию Фехнер. О своей первой любви Бунин довольно подробно рассказал в романе «Жизнь Арсеньева». Эмилия — прототип Анхен. «Анхен садилась ко мне на колени, обнимала меня, и я слышал стук ее сердца, впервые в жизни чувствовал блаженную тяжесть женского тела». Но роман есть роман, в нем реальность переплетена с вымыслом, а вот что записывал юный Бунин 29 декабря 1885 года непосредственно в дневнике, по «горячим следам» своего чувства к барышне «маленького роста с светлыми волосами и голубыми глазками»: «...Сердце у меня чуть не выскочило из груди! Она моя! Она меня любит! О! с каким сладостным чувством я взял ее ручку и прижал к своим губам! Она положила мне головку на плечо, обвила мою шею своими ручками, и я запечатлел на ее губах первый, горячий поцелуй!..».

А дальше Бунин пытается посмотреть на себя со стороны: «Может быть, некоторым, случайно взглянувшим в мое сердце, смешным покажется такое излияние нежных чувств! «Еще молокосос, а ведь влюбляется», — скажут они...».

Поразительно, но уже в юности Бунин понимал, что — цитирую тот же дневник — «любовь тесно связана с поэзией», что сердечные переживания способны высечь творческий огонь, вызвать вдохновение.

«...Наконец, пришло время расстаться. Я увидел, как она с намерением пошла в кабинет Пети. Я вошел туда же, и она упала ко мне на грудь. «Милый, — шептала она, — милый, прощай! Ты ведь приедешь на Новый год?». Крепко поцеловал я ее, и мы расстались».

Помните строки Мандельштама?

**Кто может знать при слове «расставанье»,
Какая нам разлука предстоит?..**

В. В. ПАЩЕНКО.

А. Н. ЦАКНИ.

Они встретились полвека спустя. В своих воспоминаниях последняя жена Бунина Муромцева рассказывает: «В 1937 году, когда Иван Алексеевич был в Ревеле, столице Эстонской республики, после вечера, где он выступал, подошла к нему полная, небольшого роста дама. Это была Эмилия... Они долго говорили... Иван Алексеевич взволнованно рассказал мне об этой встрече. Вспоминал он Эмилию и их неожиданную встречу и незадолго до смерти».

Яркие воспоминания: первая любовь... первая разлука... Ими пронизаны несколько стихотворений молодого Бунина, которые вошли в первую книгу стихов — «Стихотворения. 1887—1891», изданную типографией газеты «Орловский вестник».

**Ну да что об этом... Будет!..
Мне твоей любви не знать:
Нынче ночью поезд шумный
Унесет меня опять...**

В. Н. МУРОМЦЕВА.

Г. Н. КУЗНЕЦОВА.

А что касается поздней встречи с Эмилией Фехнер, то под ее влиянием Бунин задумал и написал рассказ о первой любви, который вошел в сборник «Темные аллеи». В нем описана неожиданная встреча спустя 30 лет. Герой, некий Николай Алексеевич, снова расставаясь с бывшей возлюбленной, «сдвинув черные брови, думал: «Да, пеняй на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! «Кругом шиповник алый цвет, стояли темные лип аллеи...». Но, боже мой, что было дальше? Это, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоялой горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?». И, закрыв глаза, качал головой».

Конечно, ситуация перевернута и переосмыслена. Не было у Бунина ни детей, ни петербургского дома. Кстати говоря, писатель за всю свою скитальческую жизнь не имел своего дома: отели, частные квартиры, жизнь в гостях и из милости, всегда временные и чужие пристанища. Так что Николай Алексеевич из «Темных аллей» отнюдь не Иван Алексеевич Бунин, и все же мысль того и другого одна и та же: невозможность вернуться в прошлое, войти в воду дважды — «какой вздор!». И горечь от этого...

II.

Первый настоящий мужской роман у Бунина был с Варварой Пащенко (1870—1918), работавшей корректором в редакции «Орловского вестника». «И в кого вообще так быстро влюбился я? — читаем мы в «Жизни Арсеньева». — Конечно, во все: в то молодое, женское, в чем я вдруг очутился...». Варвара согласилась жить с Буниным «без вида». Против официального замужества дочери отца решительно настроен отец Пащенко, считавший, что Бунин, человек без средств, без образования, не в состоянии создать достойные условия для брака.

Начало отношений с Варварой было радостным, мажорным: процитируем еще раз «Жизнь Арсеньева», где про влюбленность героя в Лику (частичный прообраз Варвары) говорится, что начало «всегда бессмысленно-веселое, похоже на эфирное опьянение...». Но эфир рассеялся, и обнаружилось разные характеры, разное отношение к жизни, осложненное к тому же испытанием бытом. Отсюда частые ссоры, разрывы. Варвара обращалась даже к брату Бунина Юлию с просьбой помочь ей, ибо Бунин грозил покончить жизнь самоубийством, если она его покинет.

В мае 1892 года Бунин писал Юлию: «С Варей мы расходимся окончательно. Мои настроения таково, что у меня лицо как у мертвеца, полежавшего с полмесяца». Несмотря на то что Бунин любил Варю («Мое чувство к тебе было и есть жизнью для меня»), и когда она тайно покинула Полтаву, где они тогда жили с Буниным, оставив 4 ноября 1894 года записку: «Уезжаю, Ваня, не помня меня лихом», 24-летний поэт был в отчаянии.

«Я приехал в орловскую гостиницу совсем не помня себя, — писал Бунин брату Юлию. — Нервы, что ли, только я рыдал в номере как собака, и настроил ей предিকে письмо: я, ей-Богу, почти не помню его. Помню только, что умолял хоть минутами любить, а месяцами ненавидеть. Письмо сейчас же отослал и прилег на диван. Закрою глаза — слышу промкие голоса, шорох платья около меня...

«Опять, еще раз была весна...», — читаем мы в «Жизни Арсеньева». Так или нет, но свадьба состоялась 23 сентября 1898 года. Прошло три месяца, в письме к жене от 31 декабря Бунин делает такое признание: «Хотел бы я любить людей, и есть во мне любовь к человеку, но в отдельности, ты знаешь, я мало кого люблю». Писатель, да еще такого огромного калибра, как Бунин, не может полностью раствориться в одном любимом существе. Любовь — слишком тесные рамки для человека, которого переполняет творчество.

Незадолго до свадьбы Бунин сообщает брату Юлию про будущую жену: «Она красавица, но девушка изумительно чистая и простая, спокойная и добрая. Это говорят все, давно знающие ее». Немногом больше чем через год в письме от 14 декабря 1899 года к тому же брату он уже жалуется: «...это осиноый кол какой-то... Она глуповата и неразвита, как щенок...».

Минута раздражения, вызванная очередным непониманием друг друга, или повторение истории с Пащенко: психологическая несоевместимость двух молодых людей, их разные установки, а может быть, еще что-то скрытое и не попавшее в дневники и письма?..

«Буквально с самого моего приезда, — исповедуется Бунин в 1899 году Юлию, — Аня не посидела со мной и получасу — входит в нашу комнату только переодеться... Ссоримся чрезвычайно часто... Для чего я живу тут? Что же я за презренный идиот-нахлебник. Но главное — она беременна... Юлий, пожайте меня. Я едва хожу. Ничего не пишу, нельзя от гама и от настроения. Задавил себя, но не хватает сил — она груба на самые мои горячие нежности. Я расшибу ее когда-нибудь. А между тем иной раз сильно люблю».

В августе 1900 года Анна Николаевна родила сына. Единственный сын Бунина, Коля, умер пяти лет после scarlatины.

Сын родился в августе, но еще в марте — по настоянию Анны Цакни — произошел полный разрыв. И он потряс впечатлительного Бунина. Из письма к брату: «...Давеча я лежал часа три в степи и рыдал и кричал, ибо большой муки, большого отчаяния, оскорбления и внезапно потерянной любви, надежды, всего, может быть, не пережил ни один человек... Как я люблю ее, тебе не представить... Дороже у меня нет никого».

И это Бунин пишет о женщине, которую в сердцах назвал «осиновым колом». Пример для психоаналитиков: любовь-ненависть?..

Муромцева-Бунин не без оснований утверждала, что роковую роль в отношении молодоженов сыграла тесть Бунина и мачеха Цакни — Элеонора Павловна, которая испытывала к своему зятю тайную страсть. Может быть, так оно и было, но не это главное. Главное, что жена сама покинула Бунина. Инициатива исходила от нее, и в роли покинутого оказался Иван Алексеевич. Двойное крушение в жизни. Потеря двух любимых жен-

фессорская старомосковская семья; уютный особняк на Большой Никитской; невеста учится на естественном факультете Высших женских курсов. Современники в один голос говорят, что она была хороша собой, красотой несколько застывшей, — в ней находили облик Мадонны. Это же подтверждают фотографии и портреты. Но какова она была внутренне?

Друг Буниных писатель Борис Зайцев писал 12 мая 1961 года в письме к Олегу Михайлову: «Вы, вероятно, знаете, что скончалась В. Н. Бунина от неожиданно проявившейся сердечной болезни. Моя больная жена очень это тяжело приняла, они были приятельницами с юных лет, еще по Москве. В нашей квартире Вера и с Иваном Алексеевичем встретилась. Она была хорошая женщина, много добра сделала, всегда была несколько вялая и малокровная, в молодости очень красивая, но всегда холодноватая».

Вера Николаевна приняла Бунина, как мы говорим сейчас, целиком. При этом всю жизнь, однако, боролась с его прошлым, с тенями Варвары Пащенко и Анны Цакни. Даже имя придумала Бунину, совсем ему не идущее, — Ян, «потому что ни одна женщина его так не называла».

Они познакомились в ноябре 1906 года. С конца того же года стали жить вместе, повенчаться смогли из-за нерасторжнутаго брака с Цакни лишь в 1922 году в Париже.

10 апреля 1907 года молодые супруги отправились в первое дальнее путешествие — в Египет, Сирию, Палестину.

**Песок остыл. Холодный, безответный,
Скользит в руке, как змей.
Горит, играет перстень многоцветный —
Звезда любви моей, —**

писал Бунин в одном из стихотворений той поры. Их брак вначале был абсолютно ровным. Наконец-то рядом с Буниным был преданный и самоотверженный друг-единомышленник. Бунин говорил жене: «Без тебя я ничего не написал бы. Пропал бы!».

Вот запись из дневника писателя, тональность ее весьма характерна для отношения Бунина к Вере Николаевне: «23 февраля 1916 года. Милый, тихий, рассеянно-задумчивый взгляд Веры, устремленный куда-то вперед. Даже что-то детское — так сидят счастливые дети, когда их везут. Ровная очаровательная матовость лица, цвет глаз, какой бывает только в этих снежных полях».

И все же жизнь Бунина с Муромцевой не была безоблачной. Друг их семьи Андрей Сеидх свидетельствует: «У Бунина были романы, хотя свою жену Веру Николаевну он любил настоящей, даже какой-то суеверной любовью... Ни на кого Вери Николаевну он не променял бы. И при всем этом он любил видеть около себя молодых, талантливых женщин, ухаживал за ними, флиртовал, и эта потребность с годами только усиливалась. Автор «Темных аллей» хотел доказать самому себе, что он еще может нравиться и завоевывать женские сердца. По-настоящему был у Бунина Алексеевича на склоне лет только один

18 апреля 1942 года, как бы подытоживая пережитое, Бунин записывает в дневнике: «Весенний холод, сумрачная синева гор в облаках — и все тоска, боль о несчастных веснах 34, 35 годов, как отравила она (Г.) мне жизнь — и до сих пор отравляет! 15 лет! Все еще ничего не делаю — слабость, безволие, — очень подорвалось здоровье». Бунину идет 72-й год.

А дальше, — как писал Игорь Северянин, — «все прошло, как все проходит». Если вы прочтаете дневники Бунина Алексеевича, то вы поймете трагедию старого писателя, который всю жизнь испытывал одиночество и боязнь смерти.

28 апреля 1936 года: «...Нынче дождь. Безнадежная тоска, грусть. Верно, пора сдаваться».

10 мая 1938 года: «...С денег ни копейки дохода... И впереди старость, выход в тираж...».

30 июня 1941 года: «...И вообще становилось все грустнее и грустнее: все, все давит мысль о старости...».

28 сентября 1941 года: «...Очень грустно, одиноко...» и **16 сентября 1942 года:** «Все прекрасные дни. И все мука — тянет ехать в Ниццу, видеть море, женщин, кого-то встретить, — одиночество страшное!».

23 октября 1942 года: «...Страшный день: мне 72!».

Бунин все чаще в своих записях обращается к воспоминаниям о прошлом: в ночь на 3 октября 1949 года он записывает: «...и столько прекрасного, счастливого — и все кажется, что не ценил его. И как много пропустил, прозевал — тупо, идиотски! Ах, если бы воротить! А теперь уже ничего впереди — калека и смерть на пороге».

В ночь на 28 января 1953 года (за 9 месяцев до смерти) все мысли писателя «о прошлом, о прошлом думаешь... об утерянном, пропущенном, счастливым, неоплаченным, о непоправимых поступках своих... недальновидности...».

8 ноября 1953 года в своей небольшой парижской квартире Иван Алексеевич Бунин скончался в возрасте 83 лет. На столе у его изголовья лежал томик Толстого. Он перечитывал «Войну и мир» 50 раз. Похоронен Бунин на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

**Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой...**

Вот, собственно, и все о личных «темных аллеях» Бунина Алексеевича. Да, Бунин любил женщин и сокрушался по поводу их несправедливой человеческой судьбы: «...как скоро пройдет их молодость, начнется увядание, блесн лезни, потом старость, смерть... До чего несчастны люди! И никто еще до сих пор не написал этого как следует!».

И все же не будем предаваться пессимизму (тревог и так нынче в избытке). Пока мы живы, мы можем, к счастью, еще ходить — кто по настоящим, кто по книжным, воображаемым «темным аллеям». По волшебным, прекрасным аллеям человеческой любви.